А. С. Мохов

МЯТЕЖ АРТАВАЗДА И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ КОНСТАНТИНА V (40-Е ГГ. VIII В.)

Аннотация: Статья посвящена изучению начального периода военно-административной реформы Константина V (741–775). По мнению автора, Константин V нельзя считать продолжателем военной политики Льва III Исавра (717–741). В 742–743 гг. он был вынужден вести борьбу за престол. Его соперником являлся комит Опсикия Артавазд, которого поддерживали стратеги нескольких больших фем. После подавления мятежа Константин V начал формирование мобильной армии, составленной из самых боеспособных регулярных подразделений. Большая часть регулярных отрядов была выведена из подчинения стратигам восточных фем. В 740–750-е гг. Константин V совершил несколько успешных военных походов в Северную Сирию и Закавказье. Это доказало эффективность регулярных войск по сравнению с фемными ополчениями. По мнению автора, основным препятствием для быстрого завершения военной реформы стал недостаток финансовых ресурсов.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, Константин V, военная реформа, регулярная армия, иконоборчество, сфрагистика, фема Опсикий, фема Фракисий

В исследованиях по истории Византии значительное внимание уделяется внешней и внутренней политике императоров-иконоборцев Льва III (717–741) и Константина V (741–775). Среди многочисленных преобразований, проведенных первыми представителями династии Исавров, как правило, упоминается реформа вооруженных сил. По мнению ряда византинистов, в середине VIII в. дислоцированные в Константинополе и выполнявшие исключительно церемониальные функции отряды дворцовой стражи (*scholae palatinae*) были преобразованы в боевые части¹. Константин V создал два новых регулярных подразделения,

¹ См.: *Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates*. München, 1963. S. 208; История Византии / отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967. Т. 2. С. 167; *Rochow I. Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben*. Frankfurt am Main, 1994. S. 32–35.

получившие наименования тагма схол (τάγμα τῶν σχολῶν) и тагма экскувитов (τάγμα τῶν ἐξκουβίτων). В период совместного правления Константина VI и императрицы Ирины (780–790) была сформирована тагма арифмов (τάγμα τῶν ἀριθμῶν) и при Никифоре I (802–811) – тагма иканатов (τάγμα τῶν ἱκανάτων). Эти «четыре царских отряда» (τὰ τέσσαρα βασιλικά τάγματα) оставались главной ударной силой византийской армии вплоть до военных преобразований второй половины X в.²

В историографии принято считать тагмы личным императорским войском. Они сопровождали василевса в военных походах, а командование ими поручалось наиболее преданным военачальникам. Уже в исследовательских работах XIX в. сложилась традиция противопоставлять хорошо обученные и оснащенные тагмы (ταγματικοί) фемным ополчениям (θεματικοί). Следует признать, что данное противопоставление встречается в источниках IX–X вв. неоднократно. Наиболее раннее упоминание тагм, как армии «столичной, городской, императорской» (ἔσω ταγματῶν), а фемных ополчений (ἔσω θέμασι), как войск «внешних, провинциальных» сохранилось в «Хронографии» Феофана при описании событий 60–70-х гг. VIII в.³

Ф. И. Успенский писал, что помимо фем в Византии «существовали еще специальные и тоже самостоятельные военные организации, называемые таγμαми. Сюда относятся прежде всего четыре кавалерийские тагмы (полки), обыкновенно квартировавшие в Константинополе и имевшие специальным назначением охрану дворца, ипподрома и особы царя; эти полки назывались: схолари, экскувиты, арифмы, иканаты»⁴.

В более поздних исследованиях отличия между таγμαми и фемами констатировались, но в чем они состояли, как правило, не уточнялось. В. В. Кучма писал: «В IX–X вв. византийское сухопутное войско делилось на две основные части. Первая была представлена регулярными гвардейскими подразделениями, имевшими особую организационную структуру и централизованное руководство. Местопребыванием их являлись либо столица империи, либо специально определенные местности

² См.: Haldon J. F. Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and the Tagmata, с. 580–900. Bonn, 1984. P. 222–223; Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991. S. 68–69.

³ Theophanis Chronographia / rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. P. 442.26–27; 449.28–29 (далее – Theoph.).

⁴ Успенский Ф. И. Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. 1900. Т. 6. Вып. 1. С. 154.

Фракии и Македонии. Указанные части представляли собой наиболее консервативные элементы византийской военной организации, менее других испытывавшие на себе эволюцию общественно-экономических процессов. Авторы военных трактатов, в том числе и «Тактики Льва», оставляют эти соединения практически без всякого внимания. Из других источников мы знаем, что они составляли так называемые тагмы – отряды регулярного наемного войска»⁵.

По всей видимости, различие в способах комплектования столичных тагм (регулярный) и фемных ополчений (воинская повинность) воспринимается византинистами *a priori*, так как упоминания об этом в большинстве работ отсутствуют. Очевидно, что формирование «четырех царских отрядов» рассматривается исследователями как *единовременное* военно-административное мероприятие. Главным аргументом, подтверждающим данную концепцию, является то, что все тагмы имели одинаковую внутреннюю структуру, систему командования и материального обеспечения⁶. Однако подтвердить эту точку зрения на материалах источников VIII в. не представляется возможным. В связи с этим, используется весьма распространенный в отечественной и зарубежной историографии прием, когда фактический материал заимствуется из сочинений Константина Багрянородного и военных трактатов X в., а выводы проецируются на военную историю Византии от VIII до XII в.

В исследовательской литературе принято считать, что образцом, по которому создавались остальные βασιλικὰ τάγματα, являлась тагма схол. Ф. И. Успенский писал: «Организация прочих тагм в общем мало отличается от тагмы схол, а некоторые несходства в наименовании особенно второстепенных чинов не дают достаточных оснований к характеристике устройства каждой тагмы в отдельности»⁷. Х.-И. Кюн, который специально исследовал вопросы, связанные с организационной структурой тагм, предложил следующую «линию преемственности» между регулярными частями византийской армии:

а) Во второй половине VIII – начале IX в. тагма схол (σχολαί) стала образцом при создании других столичных тагм (ἐξκουβίτορ, βίγλα, ἱκανάτοι);

б) В первой половине IX – второй половине X в. организационная структура «четырех императорских отрядов» являлась образцом при

⁵ Кучма В. В. Военно-теоретическая мысль // Культура Византии (вторая половина VII – XII в.) / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., 1989. С. 280.

⁶ См.: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee... S. 68–72.

⁷ Успенский Ф. И. Военное устройство Византийской империи. С. 174.

организации новых «элитных» подразделений (у Х.-И. Кюна – «Elite-τάγματα». – А. М.): *ἐταιρεία, ἀθάνατοι, στρατηλάται и σατραπαί*;

в) В конце X – начале XI в. Василий II, создавая провинциальные (фемные) тагмы, заимствовал структуру столичных регулярных войск (*τάγμα τῶν φοιδεράτων, τάγμα τῶν Λυκαόνων, τάγμα τῶν Ἀρμενιάκων* и др.)⁸.

Организационная структура тагмы схол неоднократно рассматривалась в исследовательской литературе. Однако при современном состоянии их источников основные командные должности и их функции могут быть определены только для конца IX – X в.⁹ В этот период, по мнению У. Тредголда, численность тагмы составляла 4 тыс. конных воинов. Соответственно, в четырех «царских отрядах» службу несли 16 тыс. кавалеристов¹⁰.

Возвращаясь к военным преобразованиям Константина V, следует отметить, что любая военная реформа проводится с заранее определенной целью. В связи с этим, следует установить, по какой причине Константин V сформировал первые регулярные тагмы. Логично предположить, что если тагма схол и тагма экскувитов создавались как *боевые подразделения*, то и предназначались они для участия во внешних войнах. Тем не менее, в специальных работах, посвященных истории византийских регулярных войск, зачастую подчеркивается важная роль тагм в стабилизации внутривосточной обстановки в Византии. По мнению Дж. Хэлдона, создание «гагмных войск было сильным политическим ходом императора, направленным против провинциального сепаратизма». К началу 70-х гг. VIII в. Константинополь вернул себе доминирующее положение в империи, так как помимо гражданских структур управления в столице теперь были сосредоточены отборные военные контингенты¹¹. У. Тредголд также полагал, что после создания тагм мятежи фемных стратигов стали происходить реже, а императорская власть смогла полностью восстановить контроль над отдаленными территориями¹².

Помимо тезиса о важной роли βασιλικὰ τάγματα в жестком подчинении Константинополю фемных правителей, исследователи указы-

⁸ Kühn H.-J. Die byzantinische Armee... S. 39.

⁹ Подробнее см.: Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург, 2013. С. 76–79.

¹⁰ Подробнее см.: Treadgold W. T. Standardized Numbers in the Byzantine Army // War in History. London, 2005. Vol. 12. P. 2–3.

¹¹ Haldon J. F. Byzantine Praetorians. P. 341–342.

¹² Treadgold W. T. Byzantium and its army, 284–1081. Stanford, 1995. P. 31.

вают на активное участие регулярных тагм в религиозно-политической борьбе. В качестве примера приведем точку зрения Дж. Хэлдона, который утверждает, что «элитные части, подобно преторианцам, призваны были защитить новую имперскую идеологию»¹³. Развивая данный тезис, английский византист писал, что Лев III и Константин V намеренно вовлекали в антицерковную борьбу не только тагмы, но и командный состав фемных контингентов. Иконоборческая политика Исауров была направлена на силовое подчинение церкви, как единственной независимой структуры, располагавшей сопоставимыми с государством административными и финансовыми возможностями¹⁴.

По нашему мнению, военно-административные преобразования Исауров являлись необходимой реакцией на события т. н. двадцатилетия хаоса. В 695–717 гг. Византия пережила тяжелый внутри- и внешнеполитический кризис, который едва не уничтожил империю¹⁵. События 717–718 гг. привели на престол стратига Анатолика Льва, ставшего основателем Исаврийской династии. По сравнению со своими безликими предшественниками, которых Ю. Херрин образно назвала «императорами без истории», Лев III проводил хорошо спланированную внешнюю и внутреннюю политику. Ему удалось продержаться у власти почти четверть века и передать ее своему сыну Константину V, что следует расценивать как явные признаки стабилизации военно-политической обстановки¹⁶.

За время правления Льва Исавра были проведены многочисленные преобразования в сфере гражданского управления и законодательства. Подчеркивая важность этих реформ, М. Я. Сюзюмов писал: «При Льве III основная задача... была разрешена: Византия сохранила свое существо-

¹³ Haldon J. F. Byzantine Praetorians. P. 92. Cp.: Kaegi W. E. The Byzantine Armies and Iconoclasm // BS. 1966. Vol. 27. P. 52–56.

¹⁴ См.: Haldon J. F. Ideology and social change in the seventh century: military discontent as a barometer // Klio. Berlin, 1986. Bd. 68. P. 188–189.

¹⁵ Nikephoros, patriarch of Constantinople short history / text, transl., and comment. by C. Mango. Washington, D.C., 1990. P. 120, 52.1–4 (далее – Nikeph.): «начались сильные мятежи против императоров, и восторжествовали тираны, которые, пренебрегая и империей, и столицей, привели в упадок дела, так что разрушено было образование и рухнула военная организация (τὰ τακτικά διελύετο). Враги беспрепятственно нападали на ромейскую державу, опустошали города, убивали или уводили людей».

¹⁶ Herrin J. The Context of the Iconoclastic Reform // Iconoclasm: papers given at the ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975 / ed. by A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 17–18.

вание, централизованный государственный аппарат и налоговую систему и когда это было достигнуто – началась острая борьба господствующих классов за право руководить правительственным аппаратом и за долю участия в государственной ренте»¹⁷. Политика правящей династии привела ее к конфликту с церковью и началу т. н. первого иконоборческого периода. Следует отметить, что при оценке событий этого времени мы придерживаемся концепции М. Я. Сюзюмова, который следующим образом сформулировал основную причину развернувшейся в Византии внутривластной борьбы: «В первую очередь против господства «исавров» выступает константинопольский патрициат, который мог быть недовольным как своим оттеснением от высших правительственных должностей, так и тем обстоятельством, что в качестве «роги» сокровища, изъятые из церковных алтарей, расходуются в интересах провинциальной фемной знати»¹⁸. Иконоборческая политика, направленная на установление контроля над людскими, финансовыми и материальными ресурсами, проводилась весьма жесткими методами. Любые попытки сопротивления подавлялись силовым путем, так как фемные ополчения поддерживали правящую династию.

Следует также обратить внимание на особенности письменных источников иконоборческой эпохи. М. Я. Сюзюмов считал, что длительное время у иконопочитателей не было шансов изменить ситуацию. В связи с этим «совершенно естественно, их оппозиция приняла обычную в Византии форму – богословскую»¹⁹. Осуждение императоров-иконоборцев характерно как для догматических, религиозно-философских и агиографических текстов, так и для исторических сочинений, написанных иконопочитателями. Следует согласиться с утверждением В. Брандеса, что «наши знания об истории VIII в. полностью зависят от иконофильской традиции... необходимо признать, что «Хронография» Феофана и другие источники являются продуктами интенсивных манипуляций, иконофильским отражением истории»²⁰. Немецкий византист убедительно

¹⁷ Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии // Учен. зап. Сverdловского гос. пед. ин-та. Свердловск, 1948. Т. 4. С. 71.

¹⁸ Там же. О других концепциях иконоборчества см.: Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca 680–850): a history. Cambridge; New York, 2011. P. 69–89.

¹⁹ Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии. С. 71.

²⁰ Brandes W. Pejorative Phantomnamen im 8. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Theophanes und deren Konsequenzen für die historische Forschung // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / hrsg. von L. M. Hoffmann. Wiesbaden, 2005. S. 124.

доказывает, что в правление Македонской династии хроники Феофана и патриарха Никифора подверглись редактированию. В итоге, основные источники по истории первого иконоборческого периода сохранили преимущественно сюжеты, тенденциозно характеризующие деятельность императоров династии Исавров²¹.

Например, подводя итоги «нечестивого правления» Льва III, Феофан писал о многочисленных бедах, постигших Византию в эти времена. «Из-за гнусной корысти и жадности, из-за злой веры» императора на христиан обрушились голод, эпидемии, восстания и землетрясения. Далее Феофан отметил, что подробно рассказывать о бедствиях не будет, так как уже говорил об этом раньше²². Однако в предыдущих главах «Хронографии», посвященных правлению Льва III, никаких упоминаний о восстаниях, голоде или эпидемиях на территории Византии нет. Присутствуют только описания природных катаклизмов: извержения вулкана на Кикладских островах и мощного землетрясения в Константинополе 26 октября 740 г.²³ Не исключено, что Феофан позаимствовал отрывок «о многочисленных бедах» в одном из полемических трактатов начала IX в. Наиболее очевидной аналогией является т. н. Третий Антирретик патриарха Никифора. В этом тексте, где Константин V подвергается жесткой критике, описано землетрясение 740 г., голод 742–743 гг. и эпидемия чумы 747–748 гг.²⁴

Войнам Византии против арабов и болгар в «Хронографии» уделено значительное внимание. Однако будучи компилятором и не являясь специалистом в военном деле, Феофан без изменений включил в свою хронику фрагменты, достоверность которых вызывает сомнение. Например, численность арабских и византийских войск в «Хронографии», как правило, огромна: 50, 80 или 100 тыс. воинов²⁵. Однажды Феофан упоминает об арабском войске в 300 тыс. человек. Эти «несметные полчища», якобы, привел на территорию Византии в 806 г. Харун ар-Рашид. Простые подсчеты показывают, что для армии такой численности необходимо было, как минимум, 500 тыс. лошадей, верблюдов и других выючных животных. Оставляя в стороне вопрос о том, каким образом халиф собирался прокормить свое воинство, можно утверждать, что обратный путь большинству его солдат пришлось бы пройти пешком. От-

²¹ Brandes W. Pejorative Phantomnamen im 8. Jahrhundert. S. 99–107.

²² Theoph. P. 413.4–10.

²³ Ibid. P. 404.18–30, 412.6–14. Ср.: Nikeph. P. 128, 59.1–15; 130–132, 63.4–16.

²⁴ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Antirrhetici tres. Apologeticus pro sacris imaginibus // PG. 1865. T. 100. Col. 496B – 497A.

²⁵ Theoph. P. 405.27–30; 411.14–15.21–24.

метим также, что по свидетельствам арабских источников, при Харун ар-Рашиде (786–809) численность армии Халифата не превышала 135 тыс. воинов²⁶.

Если же Феофан писал о военных действиях на море, то речь шла, как правило, о сотнях кораблей²⁷. При подобном «стратегическом» подходе небольшие воинские контингенты (тагмы, отряды дворцовой стражи, гарнизоны крепостей) в «Хронографии» упоминаются крайне редко и, в основном, при описании внутривосточных событий.

Феофан и патриарх Никифор неоднократно упоминали, что иконоборческую политику поддерживали не только фемные войска, но и отряды дворцовой стражи²⁸. Показательным примером пристрастности авторов исторических текстов является описание беспорядков в Константинополе в начале 726 г. Лев III отправил βασιλικούς ἀνθρώπους, чтобы снять икону Христа, установленную над воротами Халки. «Оскорбленные жители царственного города», среди которых особо активную роль играли «честные жены», напали на них, «убили спафария и нескольких императорских людей». Для подавления бунта и наказания виновных прибыл отряд из 500 воинов (στρατιώτας), которые «умертили множество народа»²⁹.

Необходимо отметить, что ни в одном тексте не упоминается об участии в этих столкновениях схоляриев или экскувитов. При современном состоянии источников вообще невозможно подтвердить их присутствие в Константинополе в 720-е гг. Принадлежность убитого «честными женами» спафарокандидата Юлиана к императорским оруженосцам (*spatharii*) доказать невозможно³⁰. По мнению К. Н. Успенского столкновение у Медных ворот вообще не было связано с антицерковной политикой Льва III: «иконоборческий характер ему приписан был позднее, в православной среде. Главное же то, что это единственное происшеств-

²⁶ Theoph. P. 482.2–3: Μαυροφόρων καὶ Συρίας καὶ Παλαιστίνης καὶ Λιβύης χιλιάδων τ'. См. также: Kennedy H. The Decline and fall of the First Muslim Empire // Der Islam. Berlin, 2004. Bd. 81. P. 14–15.

²⁷ См., например: Theoph. P. 424.3–7: разгром силами морской фемы Кивирреотов арабского флота из тысячи дромонов в гавани Κεραμαία на побережье Кarii (746 г.); P. 446.26–27: Константин V отправил к болгарскому побережью флот из 2 тыс. хеландий (773/774 г.).

²⁸ Подробнее см.: Cameron A. Circus factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976. P. 137.

²⁹ Theoph. P. 405.1–14. См. также: Лопарев X. М. Византийские Жития святых VIII–IX веков // ВВ. 1910. Т. 17. С. 47–55.

³⁰ См.: PmbZ. 2000. Bd. 2. S. 430–431, Nr. 3539.

вие, которое могло быть истолковано иконодольским злопамятством, как доказательство иконоборческой деятельности Льва III»³¹.

В июне 741 г., после смерти основателя Исаврийской династии, в Византии разразился острый внутривосточный кризис. Несмотря на то, что Константин V являлся соправителем отца с 720 г., ему пришлось отстаивать свое право на императорский престол³². Претендентом на трон выступил комит Опсикия Артавазд, которого поддержали стратеги нескольких фем, а также бюрократическая верхушка Константинополя во главе с силенциарием патрикием Афанасием и патрикием Феофаном Монутом.

Военачальник армянского происхождения Артавазд (Ἀρτάβαδος) более четверти века занимал высшие военные должности империи. В 717/718 г. он был стратигем Армениака и в значительной степени способствовал воцарению Льва Исавра. За это Артавазд был щедро вознагражден. Лев III женил его на своей дочери Анне и наградил титулом куропалата³³.

С 727 г. Артавазд занимал должность комита Опсикия³⁴. Узнав о смерти Льва III, он с сыновьями Никитой и Никифором подняли мятеж против Константина V. В свою очередь, законный наследник престола получил поддержку стратега Анатолика. Кроме того, императора поддерживали фемные контингенты Фракисия и флот Кивирреотов. На стороне Артавазда выступили фемы Опсикий, Армениак и Фракия. По сути, в 741–743 гг. вооруженные силы империи раскололись на две, примерно равные, части³⁵.

³¹ Успенский К. Н. Очерки по истории Византии. М., 1917. Ч. 1. С. 239. См. также: Auzépy M.-F. La destruction de l'icône du Christ de la Chalcé de Léon III: propagande ou réalité? // Byzantion. 1990. Т. 60. Р. 472–476.

³² Константин V был провозглашен императором 31 марта 720 г., не достигнув двухлетнего возраста. См.: Theoph. Р. 401.9–12.

³³ Подробнее см.: Speck P. Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren: Untersuchungen zur Revolte des Artabasdos und ihrer Darstellung in der byzantinischen Historiographie. Bonn, 1981. S. 49–51, 153–155.

³⁴ Опубликована печать Артавазда, патрикия, куропалата и комита богохранимого императорского Опсикия (Ἀρταβάσδω πατρικίῳ κουροπαλάτῃ καὶ κόμητι τοῦ θεοφυλάκτου βασιλικοῦ Ὀψικίου). См.: Oikonomides N. A collection of dated Byzantine lead seals. Washington, D.C., 1986. P. 44–45, no. 33.

³⁵ См.: Treadgold W. T. The Missing Year in the Revolt of Artavasdos // JÖB. 1992. Bd. 42. S. 87–93; Speck P. Das letzte Jahr des Artabasdos // JÖB. 1995. Bd. 45. S. 37–52.

Притязания Артавазда на престол были основаны не только на родственных узах с династией Исавров. В столице и провинциях сторонники узурпатора начали распространять слухи о гибели Константина V или же о тяжелой болезни императора. Важным элементом пропагандистской кампании стало обличение законного правителя как «врага Христа», приверженца иконоборческой ереси. Феофан писал, что узнав о воцарении «злоименного» Константина, христиане пришли в отчаяние. Они обратили взоры на «приверженца православия Артавазда и охотно отдали ему императорский престол». Патриарх Никифор не упоминает о православии Артавазда, но сообщает о восстановлении иконопочитания после захвата Константинополя мятежными войсками³⁶.

Апогеем «великого ожесточения между христианами» стала осада Константинополя, которая продолжалась с сентября 742 до ноября 743 г.³⁷ Следует отметить, что в VI–VIII вв. столица империи неоднократно подвергалась вражеским нападениям. Константинополь пытались захватить гунны, авары, славяне, арабы, болгары. Чаще всего противник не пытался штурмовать мощные укрепления, и добившись заключения выгодного мирного договора отступал от города. В остальных случаях, включая «знаменитую» арабскую осаду 717–718 гг., вражеские войска постигла неудача³⁸. Дело в том, что никому из противников не удавалось полностью блокировать византийскую столицу, перекрыть доставку в Константинополь продовольствия и подкреплений. Впервые это сумел сделать Константин V в 742 г., и в большом городе, переполненном беженцами и войсками Артавазда, начался голод. В источниках сообщается о непомерных ценах на продовольствие на столичных рынках, о голодной смерти многих горожан, о попытках мирных жителей бежать из Константинополя³⁹.

³⁶ Theoph. P. 413.28 – 414.2; 414.16 – 415.12; Nikeph. P. 134, 64.36–38. См. также: *Speck P.* Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren... S. 52–55, 261–265.

³⁷ Theoph. P. 413–421; Nikeph. P. 132–138.

³⁸ Многие живописные «подробности» осады 717–718 гг. являются плодом фантазий турецкого путешественника и писателя XVII в. Эвлии Челеби. Подробнее см.: *Canard M.* Les expéditions des Arabes contre Constantinople dans l'histoire et dans la légende // *Journal Asiatique*. Paris, 1926. T. 208. P. 80–94. Ср.: *Brooks E. W.* The Campaign of 716–718, from Arabic Sources // *Journal of Hellenic studies*. London, 1899. Vol. 19. P. 19–31.

³⁹ Подробнее см.: *Stathakopoulos D.* Famine and pestilence in the late Roman and early Byzantine empire: a systematic survey of subsistence crises and epidemics. Aldershot, 2004. P. 377–379, no. 216.

Артавазд поручил оборону столицы магистру Феофану Монуту, которого он назначил епархом Константинополя⁴⁰. Сын Феофана, стратиг Фракии Никифор, отправил «войско для охраны города»⁴¹. В исторических хрониках войны Артавазда, оборонявшие городские укрепления, обозначаются как φύλακος («стража, охрана»). Более характерные для солдат столичного гарнизона термины ἀρθιμός или σχολαί по отношению к ним не используются. Как показали дальнейшие события, фракийские стратиоты, составлявшие основу осажденного войска, оказались нерадивыми стражниками. Патриарх Никифор писал, что в дневное время они открывали городские ворота и некоторые жители, заплатив охране, покидали Константинополь⁴². Весной 743 г. фракийцы были разгромлены в битве у городских стен, понесли большие потери, а возглавлявший их Феофан Монут погиб⁴³.

Оказавшись блокированным в Константинополе с большей частью верных ему войск, Артавазд предпринимал попытки изменить ситуацию в свою пользу. В частности, старшего сына Никиту он назначил моностратигом (Νικήτας ὁ μονοστράτηγος) и отправил его в Армению за подкреплениями. Однако собранное Никитой войско было разбито под Никомедией силами фемы Анатолик⁴⁴. Неудачей завершилась попытка Артавазда закупить продовольствие и доставить его в осажденный Константинополь. Морские силы фемы Кивирреотов перехватили корабли доверенного лица узурпатора силенциария Афанасия и привели их к императору. Константин V приказал ослепить Афанасия, а захваченное зерно велел раздать своим воинам⁴⁵.

Императорские войска расположились вплотную к городским укреплениям, что свидетельствует об отсутствии у осажденных метательных машин или же людей, умеющих с ними обращаться. Дальнейшая осада Константинополя показала, что император и его военачальники имели

⁴⁰ Theoph. P. 415.2–3: πρὸς Θεοφάνην τον πατρικίου καὶ μάγιστρον ἐκ προσώπου ὄντα ἐν τῇ πόλει.

⁴¹ Ibid. P. 415.15: στρατόπεδον πρὸς φυλακὴν τῆς πόλεως.

⁴² Nikeph. P. 136, 66.7–8: ἐπὶ τῶν πυλῶν φύλακας.

⁴³ О Феофане Монуте (ὁ Μονώτης; «одноухий») см.: PmbZ, 2001, Bd. 4. S. 592–593, Nr. 8092. Дальнейшая судьба его сына, стратига Фракии Никифора, неизвестна.

⁴⁴ Theoph. P. 417.23 – 418.7.

⁴⁵ Ibid. P. 419.7–25. О силенциарии, асикрите патрикии Афанасии см.: PmbZ, 1999, Bd. 1. S. 215, Nr. 668.

хорошую военно-теоретическую подготовку⁴⁶. Они действовали в лучших традициях византийской полиоркетики, но при этом старались не причинить серьезного ущерба оборонительным сооружениям и гражданским постройкам города. В начале ноября 743 г. фемные отряды Фракисия внезапно атаковали и захватили сразу несколько городских ворот, после чего столица империи пала⁴⁷.

Оставляя в стороне описание расправы над Артаваздом и его сторонниками⁴⁸, обратим внимание на одну подробность, которую специально подчеркнул Феофан. Автор «Хронографии» с возмущением писал, что провинциальным архонтам (ἐξωτικοῖς ἀρχουσίν) «позволено было» заходить в дома и забирать имущество горожан (τῶν πολιτῶν)⁴⁹. Иными словами, Константин V вознаграждал фемных командиров Анатолика и Фракисия за поддержку и верность, разрешив им разграбить богатые кварталы Константинополя. Однако император не был заинтересован в продолжении конфликта с жителями столицы. Через несколько дней на ипподроме, при большом стечении народа, был устроен триумф и «конные игры»⁵⁰. По всей видимости, это событие следует считать первым из знаменитых силенциев (σιλέντιον) Константина V. В последующие годы император регулярно обращался к войску и константинопольским дима с речами, раздавая щедрые обещания сторонникам и угрожая противникам. По мнению М. Я. Сюзюмова, силенции способствовали росту популярности правящей династии и являлись важным средством иконоборческой пропаганды⁵¹.

Победа над Артаваздом значительно укрепила положение Константина V. Не удивительно, что император воспользовался ее плодами для решения проблемы чрезмерной самостоятельности и бесконтрольности фемных стратигов. Потенциально, любой из них располагал достаточными военными и материальными ресурсами, чтобы предпринять по-

⁴⁶ Феофан упоминал о том, что Константин V лично объехал городские укрепления от Харисийских (Адрианопольских) до Золотых ворот. Со стен за ним наблюдали жители города и воины Артавазда. Тем самым, слухи о смерти или тяжелой болезни императора оказались окончательно развеяны. См.: Theoph. P. 419.10–13.

⁴⁷ Ibid. P. 420.10–12.

⁴⁸ Подробнее см.: *Speck P. Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren...* S. 37; *Rochow I. Kaiser Konstantin V.* S. 27–28.

⁴⁹ Theoph. P. 420.24–27.

⁵⁰ Ibid. P. 420.27 – 421.2.

⁵¹ *Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии.* С. 71–72. См. также: *Christophilopoulou A. ΣΙΛΕΝΤΙΟΝ* // BZ. 1951. Bd. 44. S. 79–85.

пытку захватить престол. Наибольшую опасность представляли комиты «богохранимого императорского Опсикия», самой сильной в военном отношении византийской фемы. В последующие годы эта провинция была разделена на три части: Опсикий, Вукелларий и Оптиматы (Ὀψίκιον, Βουκελλάριοι, Ὀπτίματοι). К концу VIII в. под командованием комита (стратига) Опсикия остались только стратиотские контингенты, а все регулярные формирования перешли под командование императора⁵².

Переподчинение Константину V наиболее боеспособных частей Опсикия не встретило сопротивления со стороны архонтов этой фемы. Сложнее объяснить конфликт, который произошел между императором и стратигом Фракисия патрикием Сисинием⁵³. Известно, что этот военачальник сыграл важную роль в победе над Артаваздом. Тем не менее, в 743 г. он был арестован и ослеплен по обвинению в том, что «замышлял установить тиранию»⁵⁴. Никаких подробностей заговора источники не сообщают. Не исключено, что конфликт произошел по совершенно другой причине. Например, из-за нежелания императора распускать фемные контингенты.

Лев III предпочитал договариваться со стратигами или играть на противоречиях среди высших фемных архонтов. Константин V не собирався продолжать политику своего отца. Он решил жестко контролировать провинциальные ополчения, лично командуя ими во время военных действий. В 744/745 г. император собрал восточные фемы в Вифинии и предпринял успешный поход на арабскую территорию. Захватив Германикею, Дулук и другие укрепленные пункты «области Дулихия», Константин V вернулся в Никомедию. Императорским войскам досталась богатая добыча, а множество пленных сирийцев по распоряжению василевса поселили во Фракии⁵⁵.

⁵² См.: *Rochow I. Kaiser Konstantin V. S. 74–75.*

⁵³ В конце VII – начале VIII в. Фракисий был турмой фемы Анатолик. Создание самостоятельной фемы Фракисий относится к 740/741 г. См.: *Asia Minor and its themes: studies on the geography and prosopography of the byzantine themes of Asia Minor (7th – 11th century) / ed. by E. Kountoura-Galake, T. Lounghis, A. Savvides et al. Athens, 1998. P. 201–204.*

⁵⁴ Nikeph. P. 136, 66.24–25; Theoph. P. 421.3–6 (Σισίννιον τὸν πατρίκιον καὶ στρατηγὸν τῶν Θρακησίων). См. также: *Rochow I. Kaiser Konstantin V. S. 237, Nr. 59.*

⁵⁵ Theoph. P. 422.11–18; Nikeph. P. 138, 67.1–4. Область Дулихия (Δουλιχία) локализуется между современным турецким городом Газиантеп (Gaziantep) и западным берегом Евфрата; руины крепости Дулук (Τελοῦχ, Dulük) находятся в

В последующие десять лет восточное направление продолжало оставаться приоритетным во внешней политике Константина V. В 754–755 гг. византийская армия совершила поход в Закавказье, Северную Сирию и Месопотамию. Михаил Сириец писал об этой военной кампании: «Константин, император римлян, пошел на Феодосиополь против армян... он взял город, забрал всех людей в плен и оставил после себя пустыню. В крепости Камаха он разместил гарнизон, после чего вернулся в Константинополь. Позже Абу Джафар (второй халиф из династии Аббасидов, правил с 754 по 775 гг. – *А. М.*), восстановил Мелитену и, как прежде, разместил в ней войско. Абу Джафар также приказал армянам отстроить Феодосиополь, где тоже поставил гарнизон»⁵⁶. Арабские источники упоминают, что Константин V осаждал Мелитену дважды. В 750/751 г. он не сумел захватить хорошо укрепленный город, но в 755 г. «император римлян взял Мелитину штурмом, разрушил до земли ее стены, овладел ее жителями, но пощадил жизни воинов, женщин и детей»⁵⁷.

В отличие от восточных авторов, византийские хронисты не обратили на этот поход особого внимания. Возможно, они не считали значительным событием захват и разрушение двух стратегически важных городов на территории Халифата. Феофан и патриарх Никифор упомянули только об итогах этого рейда: «множество армян и сирийцев» из Феодосиополя (Θεοδοσιούπολις, Karin, совр. Erzurum) и Мелитены (Μελιτηνή, совр. Malatya) были расселены во Фракии⁵⁸.

С середины 50-х гг. VIII в. Константин V направил основные военные силы на Балканы, внешнеполитическая активность Византии на Востоке снизилась. Император и его военно-политическое окружение

северном пригороде Газиантепа. См.: *Asa Eger A. The spaces between the teeth: a gazetteer of towns on the Islamic-Byzantine frontier. Istanbul, 2012. P. 64–67.*

⁵⁶ *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199) / éd. et trad. en français par J.-B. Chabot. Paris, 1901. T. 2. P. 521–522.* Камаха (Κάμαχα, совр. Kema) – крепость на южном берегу р. Карасу-Евфрат, в 150 км северо-восточнее Мелитены и в 200 км западнее Феодосиополя.

⁵⁷ *Brooks E. W. Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids // English Historical Review. London, 1900. Vol. 15. P. 731–732.*

⁵⁸ *Theoph. P. 429.19–25; Nikeph. P. 142, 70.1–5.* Через 150 лет Продолжатель Феофана будет прославлять domestika схол магистра Иоанна Куркуаса, взявшего Мелитену в мае 934 г. Он провозгласит эту победу важнейшим событием правления Романа I Лакапина (920–944). См.: *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. P. 416–417.*

осознавали, что кризис Халифата – явление временное⁵⁹. Вести длительные войны на Востоке Византия была не готова. По данным арабских источников, с 742 по 756 гг. империя и Халифат дважды заключали семилетние перемирия, причем оба раза они нарушались византийской стороной. В сочинении ат-Табари упоминается, что в 756/757 г. арабские войска собирались вторгнуться в пограничные области Византии, но на р. Пирамос (Πύραμος, совр. Ğaiḥān, Джейхан) их встретила стотысячная императорская армия. Грабительский рейд на территорию Малой Азии был сорван, начались переговоры, которые завершились обменом пленными и заключением нового семилетнего перемирия⁶⁰.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что решение о реорганизации вооруженных сил Константин V принял вскоре после подавления мятежа Артавазда. Для перехода к активной внешней политике для императорской армии были необходимы мобильные кавалерийские отряды, укомплектованные на регулярной основе. В составе фемных контингентов такие части уже существовали: кавалерийские схолы, вукелларии и оптиматы Опсикия, турмы федератов и Ликаонии Анатолика, турмы τῶν Θεοδοσιακῶν и τῶν Βίκτορες Фракисия⁶¹. Политическая обстановка позволила императору вывести эти подразделения из состава фемных сил, подчинив их себе. Однако следует учитывать и другие важные факторы. Во-первых, для содержания крупной группировки регулярных войск требовались большие финансовые средства. В конце 740-х гг. императорская казна не могла нести подобные расходы. Во-вторых, регулярные формирования, ранее подчиненные стратигам, необходимо было заменить другими воинскими контингентами, а для этого требовалось время и значительные материальные ресурсы. В целом, военно-административные мероприятия Константина V, проведенные в 40-е гг. VIII в. – разделение фемы Опсикий, завершение формирования фемы Фракисий – следует считать начальным этапом военной реформы. Основной этап военных преобразований пришелся на 760-е гг., когда в Константинополе была сформирована мобильная армия численностью

⁵⁹ Кризис привел к падению династии Омейядов и приходу к власти Аббасидов. Подробнее см.: *Kennedy H. The prophet and the age of the caliphates: the Islamic Near East from the sixth to the eleventh century.* Harlow, 2008. P. 112–122.

⁶⁰ *Brooks E. W. Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids.* P. 732–733. Ср.: Theoph. P. 430.9–14. О крепостях Мопсуестия (Μοψουεστία, совр. Misis) и Адана (τὰ Ἀδανά, совр. Adana) см.: *Hild F., Hellenkemper H. Kilikien und Isaurien.* Wien, 1990. S. 154–158, 351–359.

⁶¹ Подробнее см.: *Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.* С. 85–86.

Мятеж Артавазда и начальный этап военной реформы Константина V

в 10–12 тыс. воинов, подчиненная лично императору. Она состояла из регулярных кавалерийских отрядов, среди которых были созданные во второй половине 60-х гг. VIII в. тагма схол и тагма экскувитов.

Статья поступила в редколлегию 09.10.2015 г.

Мохов Антон Сергеевич

Доктор исторических наук,
профессор кафедры
истории древнего мира и средних веков
Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, Россия
Электронная почта: rkb2004@yandex.ru

Anton Mokhov

Doctor of Historical Sciences,
Professor at the Department
of Ancient and Medieval History
Ural Federal University
620083, Ekaterinburg, Russia
e-mail: rkb2004@yandex.ru

Antičnââ drevnost' i srednie veka. 2015. Vol. 43. P. 134–151

DOI 10.15826/adsv.2015.43.007

ANTON MOKHOV

**ARTABASTOS'S USURPATION AND THE INITIAL STAGE
THE MILITARY REFORM OF CONSTANTINE V:
40-S OF THE 8TH CENTURY**

Abstract: The article is devoted to the early period of military-administrative reform of Constantine V (741–775). The author considers Constantine V wasn't the successor Leo III the Isaurian (717–741) military policy. In 742–743 he struggled for the throne. His opponent was Artabastos *comes* of the Opsikion theme. He was supported by several *strategoi* of large themes. Constantine V had suppressed the mutiny and started the formation of a mobile army. It consisted of the most battleworthy of regular units. The main part of the regular troops was withdrawn under the jurisdiction of the *strategoi* of Eastern themes. In the 740–750 Constantine V carried out some successful military campaigns in Northern Syria and Transcaucasia. This proved the effectiveness of regular troops in comparison with detachments of the provincial militias. The author believes the lack of financial resources had been the main obstacle for the fast finishing the military reform.

Keywords: Byzantium, byzantine army, Constantine V, military reform, regular forces, iconoclasm, sigillography, theme of Opsikion, theme of Thrakesion

LITERATURE CITED

- ASA EGER, A. *The spaces between the teeth: a gazetteer of towns on the Islamic-Byzantine frontier*. Istanbul, 2012.
- AUZEPY, M.-F. "La destruction de l'icône du Christ de la Chalcé de Léon III: propagande ou réalité?" In *Byzantion* 60 (1990). P. 445–492.
- BRANDES, W. "Pejorative Phantomnamen im 8. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Theophanes und deren Konsequenzen für die historische Forschung". In *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur*. Ed. L. M. Hoffmann. Wiesbaden, 2005. S. 93–125.
- BROOKS, E. W. "The Campaign of 716–718, from Arabic Sources". In *Journal of Hellenic studies* 19 (1899). P. 19–31.
- BROOKS, E. W. "Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids". In *English Historical Review* 15 (1900). P. 728–747.
- BRUBAKER, L., HALDON, J. *Byzantium in the Iconoclast Era (ca 680–850): a history*. Cambridge; New York, 2011.
- CAMERON, A. *Circus factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium*. Oxford, 1976.
- CANARD, M. "Les expéditions des Arabes contre Constantinople dans l'histoire et dans la légende". In *Journal Asiatique: recueil de mémoires et de notices relatifs aux études orientales* 208 (1926). P. 61–121.
- CHABOT, J.-B. (ed.). *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199)*. Paris, 1901. T. 2.
- CHRISTOPHILOPOULOU, A. "Silention". In *Byzantinische Zeitschrift* 44 (1951). S. 79–85.
- HALDON, J. F. *Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikon and the Tagmata, c. 580–900*. Bonn, 1984.
- HALDON, J. F. "Ideology and social change in the seventh century: military discontent as a barometer". In *Klio: Beiträge zur alten Geschichte* 68 (1986). P. 139–190.
- HERRIN, J. "The Context of the Iconoclastic Reform". In *Iconoclasm: papers given at the ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975*. Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 15–20.
- HILD, F., HELLENKEMPER, H. *Kilikien und Isaurien*. Wien, 1990. (Tabula Imperii Byzantini, Bd. 5).
- KAEGI, W. E. "The Byzantine Armies and Iconoclasm". In *Byzantinoslavica* 27 (1966). P. 48–70.
- KENNEDY, H. "The Decline and Fall of the First Muslim Empire". In *Der Islam: Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients* 81 (2004). P. 3–30.
- KENNEDY, H. *The prophet and the age of the caliphates: the Islamic Near East from the sixth to the eleventh century*. Harlow, 2008.
- KOUNTOURA-GALAKE, E., LOUNGHIS, T., SAVVIDES, A. (eds.). *Asia Minor and its themes: studies on the geography and prosopography of the byzantine themes of Asia Minor (7th – 11th century)*. Athens, 1998.
- KUCHMA, V. V. "Voenno-teoreticheskaja mysl". In *Kul'tura Vizantii (vtoraja polovina VII – XII v.)*. Ed. G. G. Litavrin. Moskva, 1989. S. 276–295.

- KÜHN, H.-J. *Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata*. Wien, 1991.
- LOPAREV, H. M. “Vizantijskie Zhitija svjatyh VIII–IX vekov”. In *Vizantijskij Vremennik* 17 (1910). S. 1–224.
- MIGNE, J. M. (ed.). “Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Antirrhetici tres. Apologeticus pro sacris imaginibus”. In *Patrologiae cursus completus, Series graeca* 100 (1865). Cols. 205A – 832A.
- MOKHOV, A. S. *Vizantijskaja armija v seredine VIII – seredine IX v.: razvitie voenno-administrativnyh struktur*. Ekaterinburg, 2013.
- Nikephoros, patriarch of Constantinople* short history. Ed. C. Mango. Washington, D.C., 1990. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, Vol. 13).
- OIKONOMIDES, N. *A collection of dated Byzantine lead seals*. Washington, D.C., 1986.
- OSTROGORSKY, G. *Geschichte des Byzantinischen Staates*. München, 1963.
- ROCHOW, I. *Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben*. Frankfurt am Main, 1994.
- SJUJUMOV, M. Ja. “Problemy ikonoborcestva v Vizantii”. In *Uchenye zapiski Sverdlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 4 (1948). S. 48–110.
- SKAZKIN, S. D. (ed.). *Istorija Vizantii*. Moskva, 1967. T. 2.
- SPECK, P. *Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren: Untersuchungen zur Revolte des Artabasdos und ihrer Darstellung in der byzantinischen Historiographie*. Bonn, 1981.
- SPECK, P. “Das letzte Jahr des Artabasdos”. In *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 45 (1995). S. 37–52.
- STATHAKOPOULOS, D. *Famine and pestilence in the late Roman and early Byzantine empire: a systematic survey of subsistence crises and epidemics*. Aldershot, 2004.
- Theophanes Continuatus*, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 45).
- Theophanis Chronographia*. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1.
- TREADGOLD, W. T. “The Missing Year in the Revolt of Artavasdus”. In *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 42 (1992). P. 87–93.
- TREADGOLD, W. T. *Byzantium and its army, 284–1081*. Stanford University Press, 1995.
- TREADGOLD, W. T. “Standardized Numbers in the Byzantine Army”. In *War in History* 12 (2005). P. 1–14.
- USPENSKIJ, K. N. *Očerki po istorii Vizantii*. Moskva, 1917.
- USPENSKIJ, F. I. “Voennoe ustrojstvo Vizantijskoj imperii”. In *Izvestija Russkogo arheologicheskogo instituta v Konstantinopole* 6 (1900). S. 154–207.
- WINKELMANN, FR., LILIE, R.-J., LUDWIG, Cl. et al. (eds.). *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867)*. Berlin; New York, 1998–2002.